

The background image is a detailed landscape painting. It shows a narrow, winding dirt road in the foreground, flanked by a rustic wooden fence and wildflowers. To the right, a large, multi-story wooden house with a steep, shingled roof stands prominently. In the distance, another smaller wooden building is visible. The background features a vast, green valley and a range of blue mountains under a sky with scattered white clouds.

ПОКОЙ. Дорога сама вас найдет.

Ярослав Комиссаров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ярослав Комиссаров

ПОКОЙ. Дорога сама вас найдет.

«Автор»

2026

Комиссаров Я. В.

ПОКОЙ. Дорога сама вас найдет. / Я. В. Комиссаров — «Автор», 2026

Мы привыкли бояться того, что кусает, режет и пугает. Но самое страшное зло не умеет пугать. Оно убаюкивает. Деревня, в которую приехал Андрей, не значится на картах. Дорога сюда петляет кругами, воздух пропитан сладковатым запахом гнили, а местные жители смотрят сквозь него с пугающим спокойствием. Здесь не спасают и не убивают. Здесь предлагают покой. Идеальный, тёплый, обволакивающий покой, перед которым невозможно устоять. Чтобы остаться, нужно лишь перестать сопротивляться. Сказать три простых слова. Но капитуляция страшнее боли, а выход из деревни — это не дорога в лесу. Это путь внутрь себя, где уже проснулось то, чему нет имени. Дорога сама вас найдёт. Вопрос лишь в том, захотите ли вы с неё свернуть.

Ярослав Комиссаров

ПОКОЙ. Дорога сама вас найдет.

Глава 1: Иллюзия контроля.

Бас вибрировал в грудной клетке, выстукивая ритм, чуждый человеческому сердцу. Звук был не снаружи — он резонировал где-то внутри, в полых рёбрах, в мягком месиве лёгких, превращая внутренности в дрожащую мембрану. Каждый удар приходился в солнечное сплетение, и Андрей чувствовал, как его органы откликаются на эту пульсацию, сокращаются, расслабляются, подчиняясь чужому ритму.

Андрей рассеянно скользнул взглядом по танцовщице.

Девушка извивалась на пилоне с пугающей, текучей плавностью. Её суставы не сгибались — они перетекали друг в друга, словно под кожей не было хрящей, а только жидкая, холодная слякоть. Тело изгибалось под углами, от которых должно было ломать кости, но она лишь улыбалась. В неоновом свете её кожа отливала искусственным, неживым блеском, и от неё — Андрей был уверен — шёл запах. Не парфюм, не пот. Что-то сладковатое, приторное, как запах перезревших фруктов, которые начали гнить изнутри, но снаружи ещё держали форму. Запах, который не должен был быть в клубе, пропахшем алкоголем и табаком. Он на долю секунды забил ноздри, вызывая лёгкий спазм в горле, и тут же растворился.

Движения были слишком расчётливыми для человека. Слишком жадными.

Андрей отвернулся от сцены и пригубил виски. Пить не хотелось — язык уже онемел от спирта, а желудок свернулся в тугую, кислый узел. Лёд в стакане давно растаял, превратив дорогой напиток в мутную, тепловатую жижу, но бокал давал иллюзию. Иллюзию того, что его пальцы сжимают что-то твёрдое. Что он, Андрей Бохин, хозяин этой ночи. Хозяин своей жизни.

— Ты смотришь, как она старается, — бросил Андрей, кивнув в сторону сцены.

Артём не слышал. Он сидел рядом, утопая в кожаном диване, но его тело не расслаблялось ни на секунду. Пальцы нервно теребили зубочистку, ломая её о край стола, и бессознательно мяти край пиджака, оставляя на дорогой ткани влажные, некрасивые заломы.

Они сидели в VIP-ложе, отгороженной от остального клуба бархатным канатом. Роскошь, которую Андрей так жаждал, теперь казалась ему тесной. Кислородной маской, в которую подавали спёртый, тяжёлый воздух. Пахло дорогим алкоголем, сладким фруктовым дымом от кальяна и почему-то — сырым, затхлым подвалом. Сквозняк тянуло откуда-то снизу, из вентиляционной решётки, холодя щиколотки, словно что-то дышало из-под пола. Дыхание было ровным, медленным, и от него по коже бегали мурашки, которые Андрей никак не мог унять.

— Возможно, нам нужно поговорить, Андрей, — произнёс Артём.

Он не смотрел на сцену. Вообще не смотрел по сторонам. Его глаза бегали — быстро, хаотично, цепляясь за предметы и тут же соскальзывая с них. От него пахло нервным, холодным потом, пробивающимся сквозь шлейф дорогого парфюма. Запах был резким, почти животным,

и Андрей почувствовал, как его собственный желудок рефлекторно сжался в ответ — так тело отвечает на чужой страх, даже если мозг ещё не понял, что происходит.

— Ну наконец-то, Артём, — Андрей натянул дежурную улыбку. Мышцы лица привычно напряглись, но улыбка не согрела. — Весь офис уже гудит, а ты только сейчас созрел обсудить это со мной.

— Офис жужжит, тут ты прав. Но тут не всё так однозначно. — Артём нервно сглотнул. Кадык дёрнулся на сухой, обтянутой кожей шее. — Сейчас очень мало зависит от меня. Даже от моего слова.

Андрей ощутил, как внутри сжалось что-то холодное. Не страх — он разучился бояться много лет назад, когда выбирался из грязи. Предчувствие. Физиологическое, телесное, как падение давления перед грозой. Вспышка памяти, яркая, вонючая: тёмная лестничная клетка их старого дома, пьяный, булькающий хрип отца за стеной, въевшийся в ноздри запах дешёвого табака и мочи. И он, двенадцатилетний, зажавший уши подушкой, клянувшийся себе в темноте: никогда. Никогда не окажусь на дне.

Инструмент для уборки мусора. Голос отца, хриплый, с присвистом, всплыл из глубины, как труп из мутной воды. Андрей стиснул челюсти. Кость заскрипела под эмалью зубов.

Он выкарабкался. Он сидит в VIP-ложе. На нём пиджак, который стоит, как квартира его матери. Он не позволит этой опоре рухнуть.

— Что ты имеешь в виду? — голос Андрея прозвучал твёрдо. Почти. Лишь на последнем слоге — едва заметная вибрация. — Ты же директор. Разве не твоё слово последнее?

— Аркадий Семёнович решил внести свои пять копеек, — Артём понизил голос. Он произнёс имя тестя так, словно оно могло материализоваться здесь, в полумраке клуба, и раздавить их обоих. Его пальцы снова потянулись к зубочистке, но зубочисток больше не было, и он стал ковырять ногтем край стола, оставляя на полированном дереве мелкие, безобразные царапины. — Выставил своего кандидата. Жгилева.

— Кого? Этого трудоголика с глазами бухгалтера? — Андрей усмехнулся, но усмешка вышла кислой. — Чем он лучше меня? Моя команда закрывает кварталы с перевыполнением.

— Семёновичу нужна прозрачность. Контроль. — Артём избегал смотреть Андрею в глаза. Его взгляд блуждал по столу, по стаканам, по трещинам в кожаной обивке дивана — по всему, что не было лицом Андрея. — Или ищет... подходящий инструмент.

Слово «инструмент» ударило под рёбра. В висках заладило: инструмент, инструмент, инструмент. Так называл его отец. Не по имени. Не «сын». «Инструмент для уборки мусора». Андрей почувствовал, как желчь поднялась к горлу, обожгла пищевод. Он сделал глоток виски, чтобы смыть её, но тёплая жидкость только усилила тошноту.

— Слушай, а может, это твоя жена бате напела? — Андрей подался вперёд, пытаясь нащупать знакомую, бытовую почву для шутки. Пытаясь вернуть контроль. — Мы тут с тобой отдыхаем, девочек смотрим, может, ревнует и решила тебя подставить?

— Я не хочу обсуждать отношения с женой, — отрезал Артём. В его голосе проскользнуло что-то тёмное. Не обида. Что-то мокрое, сдавленное, от чего Андрея самому захотелось отодвинуться. — В общем, Андрей, я очень хочу, чтобы ты занял эту должность. Но просто так я не могу тебя назначить. Аркадий Семёнович выставил условия. Своеобразный экзамен.

— И какие? — голос Андрея прозвучал ровнее, чем он ожидал. Внутри холодный ком рос, тянул вниз, но снаружи он сохранял форму. Привычка, выработанная годами: никогда не показывай слабость.

— Нужно получить хорошего клиента. Клиентов выбирал, понятное дело, Семёнович. Оба — сложные. По результату будет принято решение.

Андрей сделал ещё один глоток. Тёплый виски сковал горло, словно невидимая рука накинула петлю и стягивала её — медленно, лениво, с наслаждением. Он поставил бокал на столешницу — лёгкое касание стекла о дерево, — и звук показался неестественно громким, сухим, словно кто-то щёлкнул хитиновым панцирем. Андрей замер, прислушиваясь к отзвуку, но тот растворился в басах.

— Это не всё, — Артём вытер лоб тыльной стороной ладони. Кожа на виске блестела от пота, хотя в ложе было прохладно. Кондиционер гудел ровно, но воздух казался густым, неправильно тёплым, словно они сидели не в клубе, а в чреве чего-то живого. — Тебе предстоит поехать на встречу в другой город. И встречу никто ещё не назначал. Срок — до вторника.

— Сегодня суббота, Артём! — спокойствие Андрея дало трещину. Сначала тонкую, потом — шире, выпуская наружу сдавленный, ядовитый гнев, который начал закипать где-то под диафрагмой. — Это значит, выезжать завтра на рассвете. Ты не мог сказать раньше?

— Так получилось. Я понимаю, что это жёстко. Но я не мог. — Артём посмотрел на Андрея. Его глаза были пустыми, выгоревшими, как экран выключенного телевизора. Два мёртвых прямоугольника, за которыми не было ничего. — Если ты вернёшься ни с чем, тебя, скорее всего, уволят. Назначение Жгилева вытащит много неприятных моментов... Я тоже могу потерять должность. Не подведи нас, Андрей. Тебе нужно уже собираться.

Он хотел добавить что-то ещё, но только провёл языком по пересохшим губам.

Пауза. Тяжёлая, густая. Басы продолжали бить в грудь, и Андрей чувствовал, как его сердце пытается подстроиться под этот ритм, сбивается, спотыкается. Он посмотрел на Артёма — по-настоящему, впервые за вечер — и увидел то, чего не замечал раньше. Артём был не просто напуган. Он был вымотан. Под глазами залегли тёмные мешки, кожа на щеках обвисла, серая, восковая. На его галстуке было пятнышко — крошечное, коричневое, засохшее. Соус? Кровь? Андрей не знал, но это пятнышко раздражало его, тянуло взгляд, как заноза.

— Артём, — Андрей наклонился вперёд, пытаясь поймать его бегущий взгляд. — Кто ездил до меня? К этому клиенту. Кто-то ведь пытался?

Артём замер. Его пальцы, ковырявшие стол, остановились. Он поднял глаза на Андрея, и в них мелькнуло что-то — не страх, что-то хуже. Мутная, тягучая тень, которая тут же погасла.

— Мхитарян, — сказал он тихо. — Год назад. Аркадий Семёнович послал его. Помнишь его? Высокий, усатый, всегда здоровался первым, пончики на кухню по пятницам носил. Две недели добивался встречи. В итоге поехал туда. — Артём замолчал, сглотнул. Кадык дёрнулся снова, и на этот раз Андрей услышал сухой, скрипучий звук, как будто в горле Артёма пересохло до корки. — Вернулся. Но... не таким.

— Что значит — не таким?

— Не таким, — повторил Артём, и в его голосе была окончательность, которая запрещала дальнейшие вопросы. Он отвёл взгляд. Уставился в свой бокал, словно там, на дне, в мутном остатке виски, был ответ, который он не хотел находить. — Уволился через месяц. Сказал — по состоянию здоровья. Я его видел после. Он... он был другой. Как будто из него что-то вынули. Или что-то вложили.

Артём осёкся, словно сказал лишнее. Его правая рука потянулась к обручальному кольцу, покрутила его — быстро, нервно. Провёл ладонью по лицу, стирая невидимую паутину.

— Забудь. Это не важно. Просто езжай и сделай дело.

Андрей молча кивнул. Телефон в кармане брюк коротко вздрогнул. Он скосил глаза. Экран светился: «Маша. Ты где?» Большой палец сам потянулся к сообщению, но замер. Андрей представил её на кухне — в растянутой футболке, с чашкой в руках, — и на секунду внутри шевельнулось что-то тяжёлое, похожее на вину. Он заблокировал экран и сунул телефон глубже в карман.

Внутри, под рёбрами, холодный ком пульсировал, как второе сердце. Мхитарян. Андрей помнил его — безопасный, предсказуемый, всегда с улыбкой. А потом — исчез. Никто не спрашивал. В офисе не принято спрашивать. В офисе принято забыть, как будто человека никогда не было.

Как будто его вычеркнули.

Андрей поднялся. Пиджак лежал на спинке дивана — тяжёлый, чёрный, как саван. Он сунул руки в рукава, ощущая, как ткань холодит плечи. Холод был не от материала. От чего-то другого, внутреннего, что расплзалось по телу.

На сцене танцовщица наконец-то замерла в финальной позе. Она выгнулась назад под немыслимым углом, запрокинув голову, и в разрыве неоновых светов её лицо на секунду показалось Андрею не живым. Белая, застывшая маска, покрытая лаком. Провалы глаз — чёрные, бездонные, голодные. Слишком большие для человеческого лица. Слишком пустые. И от них, от этих провалов, повеяло тем самым запахом — сладким, гнилостным, приторным, — который он ощутил раньше, но списал на воображение.

Он моргнул. Наваждение прошло. Девушка на сцене просто тяжело дышала, её грудь вздымалась, кожа блестела от пота. Обычная девушка. Обычный клуб. Обычная субботняя ночь.

«Старею. Нервы шалят», — подумал Андрей, спускаясь по лестнице в гулкую, вибрирующую утробу клуба. Воздух внизу был гуще, теплее, он облеплял кожу. В висках всё ещё сту-

чало: инструмент, инструмент, инструмент. И ещё — тише, глубже, на уровне, который разум не мог ухватить: Мхитарян. Не таким. Вынули.

Холод в груди не отпускал. Ему предстояла дорога. И почему-то — он не мог бы объяснить это логически, не мог бы выразить словами, но чувствовал каждой клеткой, каждым нервом, каждым вздохом — он был уверен, что это не просто командировка. Это была проверка на прочность. Проверка, исход которой предreshён кем-то, кого он даже не видит.

Кто-то уже расставил фигуры на доске. И он, Андрей Бохин, был не игроком. Он был фигурой, которую уже двинули.

Глава 2: Разлом.

Свежий ремонт пах синтетикой. Резким, химическим запахом новомодного пластика и дешёвого ламината, под которым едва уловимо тлел другой аромат — сырой штукатурки и застарелой плесени. Запах красивой ширмы, за которой пряталось болото. Андрей чувствовал его каждый раз, когда входил в квартиру, но привык. Человеческий нос привыкает ко всему — к гнили, к сырости, к запаху собственной смерти. Нужно только время.

Он скинул ботинки в прихожей и поморщился. В углу, у плинтуса, лежала влажная тряпка для пола. От неё несло затхлостью — густым, тяжёлым духом застоялой воды, который ударил Андрею в ноздри. Маша так и не научилась её выполаскивать. Можно вырваться из грязной коммуналки, можно обить стены шёлковыми обоями, можно повесить на кухне LED-лампы с тёплым светом, который должен создавать уют, но душа всё равно тянет за собой привычки подвала, как камень, привязанный к ноге утопленника.

Андрей посмотрел на тряпку. Тёмная, мокрая, свернувшаяся в углу, как спящее животное. От неё шёл пар — еле заметный, вонючий. И на секунду — одну короткую, тошнотворную секунду — запах ударил в мозг, и Андрей стоял не в квартире. Он на лестничной клетке. Двенадцать лет. Отцовское кресло — продавленное, вонючее, с пятнами засохшей рвоты на подлокотнике. Тряпка, которой мать пыталась отмыть пол после отцовских друзей. Точно такой же запах. Точно такая же мокрая, тёмная, безнадежная тряпка.

Он моргнул. Вернулся. Квартира. Прихожая. Свежие обои. Тряпка в углу.

«Не здесь. Я не здесь».

Где-то в глубине вентиляционной шахты гулко ухнуло — низкий, вибрирующий звук, как будто здание вздохнуло. Стенка шахты завибрировала, и по ней пробежала мелкая дрожь, передавшись в стену, к которой прижимался плечом Андрей. Звук был коротким, но отозвался в солнечном сплетении тупым ударом — той же частотой, что и бас в клубе. Андрей нахмурился, посмотрел на вентиляционную решётку. Решётка молчала. Пластиковая, белая, чистая. Инженерная система. Насос. Ничего больше.

— Ты сегодня рано, — донёсся из кухни её голос. Глухой, без интонации. Голос человека, который не ждёт ничего хорошего, но всё равно спрашивает, потому что молчать хуже.

— У меня для тебя хорошие и плохие новости, — ответил Андрей, разглядывая своё отражение в зеркальном шкафу. Осунувшееся лицо, сбитый набок галстук, тёмные круги под

глазами. Пальцы были влажными от пота — он заметил это, когда снимал галстук, — и плохо слушались, соскальзывая с узла.

Маша появилась в дверном проёме.

Андрей стиснул челюсти. На ней была та самая растянутая серая футболка и тренировочные штаны с катышками. Униформа нищеты. Он смотрел на эти крошечные белые комочки на ткани, и для него это был не просто старый хлам — это был визуальный якорь. Он физически ощущал, как этот якорь цепляет его за грудную клетку, тянет вниз, в ту самую вонючую лестничную клетку, где мужчины в таких же трениках пили портвейн на корточках, а женщины в таких же футболках орали на детей, превращая их в тряпки для пола — мокрых, безвольных, воняющих застоялой водой.

— Я же говорил выкинуть эти вещи, — процедил он сквозь зубы. Голос прозвучал как хруст ломаемой кости.

— А мне ходить тогда в чём? Голой? — огрызнулась она. Её глаза сразу сузились, зрачки сжались в точки, и Андрей увидел, как её тело изменилось — плечи подались вперёд, подбородок опустился, пальцы на руках слегка согнулись. Боевая стойка. Привычка, выработанная годами жизни в коридорах общаги, где каждый разговор мог закончиться дракой, а каждая фраза была либо ударом, либо защитой.

— Отличная идея. Это лучше, чем ходить в том, в чём ты спала в общежитии, — выплюнул Андрей и прошёл на кухню, раздражённо дёрнув плечом.

Маша двинулась за ним. Её шаги были мягкими, почти бесшумными — наследие тех коридоров, где она научилась ступать тише, чтобы не привлекать чужих, пьяных мужиков. Она ступала по ламинату, и от этого тихого, скользящего шороха у Андрея заныли зубы. Каждый её шаг был напоминанием: она не принадлежит этому полу. Она принадлежит цементному полу общежития, с трещинами и пятнами мочи. И этот ламинат — лишь тонкая плёнка, которая скоро прорвётся.

— Что за новости у тебя? — её голос стал низким, подозрительным.

— Мне предлагают повышение. Замдиректора.

Она замерла. На секунду — одну короткую, неуловимую секунду — в её глазах вспыхнул расчётливый, алчный блеск. Тот самый, который он видел, когда они только познакомились. Тогда она оценивала его, как кусок мяса на витрине. В безопасность. В тепло. В мир, где никто не бьёт и не кричит. Её зрачки расширились, заглатывая тусклый свет кухни, и на долю секунды Андрей увидел в них не Машу, а девушку из общежития — голодную, замёрзшую, готовую на всё ради тарелки горячего супа и кровати, которая принадлежит только ей.

— Это же хорошо... — прошептала она, подходя ближе. Её лицо вдруг стало мягким, почти детским. Мышцы расслабились, губы приоткрылись, и Андрей увидел, как в ней оживает та самая надежда — примитивная, животная, — которая заставляла её держаться за него три года. — Мы наконец-то сыграем свадьбу, ведь ты этого повышения ждал?

Андрей стиснул челюсти. Он знал этот скрипт. Он видел его десятки раз. Сейчас будет требование, замаскированное под радость. Сначала — улыбка. Потом — объятия. Потом — «давай обсудим дату». Потом — «мне нужно платье». Потом — «почему мы не можем жить как нормальные люди». И каждый шаг — петля на шее, петля, которая затягивается всё туже.

— Есть одно «но». Мне нужно завтра уехать. В командировку.

Расчёт в её глазах мгновенно сменился холодной паникой. Что-то неумовимо изменилось в её лице: скулы стали острее, ноздри раздулись, губы побелели, словно из них выкачали кровь. Маска слетела — не постепенно, а мгновенно.

— Как интересно, — прошипела она, сокращая дистанцию. От неё пахло дешёвым молочком для тела и липким, кислым страхом. Запах был таким плотным, что Андрей мог бы попробовать его на вкус — солёный, металлический. — Для повышения нужно поехать с Артёмом и трахнуть пару шлюх?

— Почему же пару шлюх? — усмехнулся Андрей. Эта жестокость приносила ему странное, грязное облегчение — каждый удар по ней был ударом по собственной слабости, по тому, что он всё ещё здесь, с ней, в этой кухне, пахнущей пластиком и мокрой тряпкой. — По-твоему, я такой предсказуемый? Мне дали задание. Завтра я еду в командировку договариваться о контракте. Если получится — я получу должность. И тогда заживём.

— Всё звучит неправдоподобно, — Маша начала дрожать. Мелкая, нервная дрожь, когда отступать некуда и каждое слово — последний патрон. — Я думаю, ты хочешь меня обмануть и снова поедешь бухать и изменять мне. Вот ты сейчас откуда приехал? От тебя пахнет виски и чужими духами. Неужели нельзя хоть один день обойтись без вранья?

Она стояла так близко, что он видел пульсацию синей жилки на её шее. Той самой жилки, что бешено колотилась под тонкой кожей. Её глаза быстро налились влагой — отработанный рефлекс, отточенный годами выживания. Но сейчас, в стерильном свете LED-ламп, это выглядело не жалко. Это выглядело как угроза. Влага стекала по щекам, размывая остатки вечернего макияжа, обнажая те самые впалые скулы, которые он когда-то находил трогательными, а теперь считал приметой породы, обречённой на ползучее существование. Она больше не казалась ему женщиной. Она казалась ему существом, которое пытается вгрызться в его глотку, чтобы не утонуть.

И Андрей понял, что ненавидит её. Не за то, что она была. За то, что она напоминала ему, кем он мог стать. Кем он был бы, если бы не выбрался. Кем был его отец. Кем была его мать. Тряпкой. Инструментом для уборки мусора.

— Я не вру, — устало сказал Андрей. Его горло пересохло, голос сел, превратившись в хрип. — Хочешь, я буду скидывать тебе свои геолокации и звонить каждые два часа?

Он положил руки ей на плечи. Её кожа была горячее, липкой — нездоровой, чрезмерной лихорадкой, которая бывает не от тепла, а от страха. Он потянул её к себе, пытаясь прекратить этот цирк, но Маша уткнулась ему в грудь и разрыдалась по-настоящему — хрипло, с всхлипами, как рыдают люди, знающие, что теряют последнее. Её слёзы пропитали рубашку. Холодный, солёный сок обжёг ему кожу, и ткань прилипла к груди — мокрая, ненавистная, не снимаемая.

Внутри него что-то сжалось в тугой комок. Не к ней. К себе. К тому, что он всё ещё здесь, в этой кухне, пахнувшей свежим пластиком и мокрой тряпкой, с этой женщиной, которая тащит его на дно своим неуёмным желанием легализации, своим животным страхом. Он задышался. Воздух стал густым, он забивал лёгкие, не давая дышать. Желчь поднялась к горлу — горькая, жгучая. В висках стучало. Не бас из клуба — что-то другое, более глубокое, более старое. Само здание вокруг него гудело, вибрировало, жило.

Где-то в вентиляции снова ухнуло. Низкий, гулкий звук, как вздох. Андрей почувствовал, как стена за его спиной дрогнула, и на секунду — на одну безумную секунду — ему показалось, что квартира дышит. Что стены — это рёбра, что потолок — это свод чего-то огромного, и они стоят внутри него, в его чреве, и оно переваривает их, медленно, терпеливо.

Он моргнул. Наваждение прошло. Квартира. Кухня. LED-лампа. Маша, рыдающая на его груди.

— Давай договоримся вот о чём, — его голос стал жёстким, отстранённым. — Мне сейчас нужна поддержка, а не эмоциональные качели. Я проведу эти переговоры, получу должность, и мы вернёмся к этому разговору. Сейчас, правда, не самое лучшее время, Маша.

— Для тебя всегда не самое лучшее время! — она оттолкнула его, ударив ладонями в грудь. Удар был слабым, но он ощутил его где-то в районе солнечного сплетения — не острый, но давящий, выворачивающий. Она упала на табурет, закрыла лицо руками. Её спина ходила ходуном от беззвучных рыданий, хребет проступал сквозь тонкую ткань футболки, как позвоночник побитой собаки. Между лопаток ткань потемнела от пота, и Андрей увидел, как дрожат её плечи — мелко, часто.

Андрей налил в фарфоровую чашку воды из-под фильтра и поставил перед ней. Вода была мутной, он всегда забывал менять картридж.

— Попей.

— Я не дура, — сказала она, не поднимая головы. Голос был тихим, но твёрдым. — Ты не от меня уезжаешь.

Андрей не ответил.

Она подняла на него глаза. Лицо было мокрым, но голос — сухим.

— Иди, — сказала она. — Только не ври, что вернёшься.

Он развернулся и вышел из кухни. В прихожей он задержался у зеркала. Из отражения на него смотрел мужчина в дорогом, но помятом пиджаке, с пустыми, мёртвыми глазами. Лицо человека, который только что подписал смертный приговор, но ещё не прочитал текст.

Сзади, из кухни, раздался звук.

Не звон бьющегося стекла. Это был хруст. Сухой, скрипучий звук, словно кто-то наступил на таракана. Маша с силой сжимала в руках фарфоровую чашку, и та треснула, рассекая

ей ладонь. Кровь — алая, слишком яркая для этого тусклого света — брызнула на белую столешницу. Капли расплзались по пластику, как метастазы, впитывались в микропоры, оставляя тёмные, ржавые следы, которые не отмыть ни одним средством.

Она даже не зашипела от боли. Просто сидела и смотрела на алые капли с тем же выражением обречённости, с каким смотрела на всё, что рушилось в её жизни. Боль была где-то далеко, за гранью того ужаса, что поглощал её изнутри. Физическая боль — это роскошь. Настоящий ужас — он не болит. Он просто есть.

Андрей вышел за дверь, мягко щёлкнув замком.

Он знал, что не позвонит ей через два часа. Знал, что эта дверь закрылась навсегда. Перед глазами стояло её лицо над треснувшей чашкой — не плачущее, а вдруг ставшее спокойным. На секунду захотелось вернуться, забрать осколки, заклеить порез. Обнять её — коротко, грубо, как обнимают, когда уже поздно что-то чинить. Потом он плотнее сжал ключи и шагнул вниз.

Облегчение пришло следом. Холодное, мёртвое облегчение от того, что сбросил с шеи один из грузов, тянувших его на дно.

Лестничный пролёт встретил его запахом бетона и пыли. Под ногами скрипнула ступенька — звук, который он слышал каждый день, но который сейчас показался ему чужим, незнакомым. Как будто дом больше не узнавал его. Или он больше не узнавал дом.

Где-то в глубине вентиляционной шахты — далеко, глухо, на самом пределе слышимости — что-то завывало. Низкий, протяжный звук, лишённый мелодии. Не насос. Не ветер. Андрей остановился, прислушался. Звук исчез. Осталась лишь тишина — густая, наблюдательная, терпеливая.

Глава 3: Кафе и Незнакомец.

Мерседес шёл ровно, убаюкивая мягкой подвеской и стерильной тишиной салона. Климат-контроль дул прохладой в лицо, запах кожаных сидений кружил голову ощущением полной власти. За окном мелькал серый асфальт, размазанный в сплошную ленту скоростью, и Андрей наконец-то почувствовал, как отпускает утреннее напряжение. Он переборол. Он вырвался. Он — хозяин этой дороги.

Дорога стелилась под колёса, ровная, прямая, предсказуемая. Андрей расслабил плечи, размял пальцы на руле. Мерный гул мотора — восемь цилиндров, тёплый, бархатный звук — заполнял салон. За окном проплывали поля — голые, мокрые, бесконечные. Изредка мелькали указатели, но Андрей на них не смотрел. Навигатор вёл, дорога была знакомой, и мир за стеклом существовал только как фон. Декорация к его поездке, к его карьере, к его триумфу.

Мхитарян. Имя всплыло из ниоткуда, холодное и липкое. Вернулся не таким. Андрей нахмурился, отгоняя воспоминание. Чепуха. Артём напуган, несёт чушь. Мхитарян уволился по состоянию здоровья — бывает. Люди ломаются. Не все выдерживают. Но он, Андрей Бохин, выдержит. Он всегда выдерживал.

Ровно до того момента, как руль не вырвало из рук.

Машина резко рыскнула влево. Андрей вцепился в кожу обода, костяшки побелели, мышцы предплечий свело судорогой. Компьютер на панели залился тревожным красным: «Ошибка давления шин. Остановите автомобиль».

Сердце ударило в рёбра. В глазах потемнело. Выругавшись сквозь зубы, Андрей в топил тормоз, и машину поволокло по обочине, дико виляя задом. Мир за стеклом завертелся — грязь, трава, серое небо, — и наконец машина замерла, уткнувшись передним колесом в кювет.

Тишина. Только шум дождя за стеклом.

Он вышел. Моросил противный, мелкий дождь — не капли, а водяная пыль, которая тут же облепила лицо, забилась в ноздри, пропитала насквозь ворот рубашки за какие-то секунды. Левое переднее колесо осело на литой диск, бессильно подогнув лапу. Боковина шины была разорвана — рваная, мясистая рана, из которой торчали белые нити корда, как сухожилия.

— Просто заебись, — выдохнул Андрей в сырую пустоту трассы. Голос прозвучал глухо, его сожрала серая стена дождя.

Он обошёл машину, ботинки чавкали в жирной, набирающей вес грязи. Статус. Дорогой костюм. Мерседес. Всё это утонуло в коричневой жиже. Итальянские ботинки — ручной пошив, четыре часа в бутике на Столешниковом переулке — превратились в два мокрых, грязных комка. Дорожная грязь въелась в светлую строчку, оставляя бурые пятна, которые не выведет ни один крем. Статус, ради которого он пахал три года, спал по четыре часа, терпел Машину тревогу и холодные взгляды Артёма. Теперь этот статус стоял по колено в грязной луже на обочине трассы, и дождь смывал с него весь лоск.

В висках стучало. Не от дождя — от вчерашнего. Ночь в клубе. Виски, который не пошёл. Ссора с Машей — её слёзы, разбитая чашка, её голос, сухой: «Иди. Только не ври, что вернёшься». Он не позвонил. И не позвонит. Потом — звонок Артёма, его выгоревшие глаза, удавка дедлайна. Андрей не спал почти сутки. Его тело было мешком, набитым свинцом, и каждая клетка кричала: ляг, закрой глаза, забудь.

Но нельзя было забыть. Нельзя было лечь. Потому что ему нужно было успеть до вторника назначить встречу, от которой зависело всё. А встреча ещё не была назначена. И он ехал в неизвестность, надеясь на чудо.

Он поднял голову и увидел спасение. В пятистах метрах, у обочины, мерцала неоновая вывеска: «КОФЕЙНЯ И ШИНОМОНТАЖ». Буквы горели неровно, подрагивая — одни ярче, другие тусклее. Тёплый жёлтый свет лился из окон, и даже отсюда, сквозь пелену дождя, Андрей почувствовал запах жареного лука и кофе. Запах цивилизации.

— Ну хоть что-то, — выдохнул он.

Он доковылял до шиномонтажа — маленького бокса с поднятыми воротами, где возился мужчина в грязном комбинезоне. Механик был немолодой, с перекурренным лицом и ленивыми движениями.

— Колесо пробил, — Андрей протянул ему ключи от машины. Влажные от пота пальцы плохо слушались и соскользнули с холодного металла. — Сможешь поменять?

— Гляну, — механик взял ключи, даже не посмотрев на Андрея. — Через час будет готово.

— Отлично, — Андрей почувствовал, как внутри что-то отпустило.

Сейчас он зайдёт в кафе, выпьет горячий кофе, посидит в тепле. Передохнёт. Всё наладится. Обязательно наладится.

Он толкнул дверь кофейни и шагнул из холода в тепло. Внутри пахло пережаренными специями, мокрой шерстью и застарелым жиром, который въелся в сами стены — в штукатурку, в дерево, в каждую трещину и каждый угол, — так что здание не просто пахло, а было этим запахом. Как тело, пропитанное болезнью.

Андрей сел за столик и посмотрел на неё. Она двигалась за стойкой — протирала стаканы, переставляла чашки — но что-то в её движениях было не так. Слишком плавно. Слишком мягко. Ни одного резкого жеста, ни одного лишнего движения. И она не моргала. Совсем. Её глаза — мутные, как стекло рыбы — смотрели в одну точку, и веки не опускались. Ни разу. Андрей поймал себя на том, что считает секунды между её морганиями, и сбился на тридцатой.

— Капучино, — он отвёл взгляд. — И воду.

Она кивнула — медленно — и пошла к кофейной машине. Её шаги были бесшумными. Ни одного звука. Обувь не скрипела, подошвы не шлёпали по грязному полу. Она скользила.

Андрей потряс головой. Устал. Галлюцинирую. Он посмотрел на стену. На стене висел календарь — большой, настенный, с фотографией лесного озера, окружённого тёмными елями. Вода в озере была чёрной, зеркальной, и отражала небо, в котором не было солнца. Лес на фото был гуще, темнее, чем обычный лес. Он давил, даже с фотографии. Андрей перевёл взгляд на дату — октябрь. Текущий месяц. Но календарь выглядел новым, слишком новым для октября. Ни пятен, ни загибов. На фотографии, в нижнем правом углу, мелким шрифтом: «Дикие озёра. Дорога сама вас найдёт». И номер телефона, который Андрей не мог разобрать — цифры расплывались.

— Прибавьте звук, — бросил он, глядя на экран телевизора. Голос прозвучал слишком громко в этой тишине, и официантка не отреагировала. Она стояла у кофейной машины, держа стакан в руках, и смотрела сквозь него. Сквозь стекло. Сквозь стену.

Андрей нахмурился.

— Эй. Звук.

Она повернулась. Медленно — слишком медленно. Кивнула. Протянула руку к пульту, и её пальцы — толстые, с короткими, обгрызенными ногтями — нажали кнопку. Телевизор стал громче.

Диктор вещал о перекрытой трассе. Перевернулся бензовоз. Высокая вероятность детонации. Дорога на запад заблокирована до неизвестного срока.

Мир снова начал сжиматься вокруг Андрея. Стены кафе словно сдвинулись на полметра. Вчера — ссора с Машей. Сегодня — пробитое колесо и наглухо запертая трасса. Он достал телефон, в который раз набрал номер секретаря директора телеканала. Короткие гудки. Снова. И снова. Палец давил на экран с такой силой, что сустав побелел.

— День просто удался, — прошептал он. Если он не попадёт на встречу, Жгилев получит должность, а Андрея выкинут на обочину. К треникам с катышками. К запаху старого кресла.

Капучино стоял перед ним — он не заметил, как официантка его поставила. Пена на кофе уже опала, превратившись в плёнку, похожую на кожу на остывшей ране. Андрей сделал глоток. Горький, пережаренный, с привкусом чего-то лекарственного. Он поморщился, но допил.

Тишина кафе давила. Не тишина пустого помещения — тишина места, которое чего-то ждёт. Андрей чувствовал её спиной, шеей, руками.

— Разрешите?

Андрей вскинул глаза. Человек в засаленной коричневой куртке уже скользнул на стул напротив. Не сел — скользнул. Андрей не слышал ни шагов, ни скрипа стула, ни шороха одежды. Мужик просто появился.

В нос ударил запах — тяжёлый, кисловатый дух старого пота и дешёвых сигарет. От него защипало в груди, желудок рефлексивно сжался. Этот запах был не просто неприятным — он был знакомым. Точно так пахло то самое продавленное кресло, в котором его отец доживал свои дни. Кресло, которое пропиталось потом, табаком и чем-то ещё — чем-то тёмным, гнилым, что не выветривалось и не отмывалось. Запах распада, который въелся в ткань, в поролон, в дерево, в стены. Запах, который невозможно вымыть.

Андрей непроизвольно отодвинулся. Стул скрипнул по полу — и звук был оглушительно громким в этой тишине.

— В кафе полно места, — холодно сказал он.

Но мужик не двинулся. Он подался вперёд, и Андрей рассмотрел его лицо. Левый глаз затягивало густое, мутное бельмо, похожее на варёный яичный белок, налитое желтоватым гноем. Правый — маленький, бегающий, лихорадочный. Глаз человека, который не спит сутками. Но бельмо не было слепым. Оно смотрело. Андрей не мог объяснить это логически — бельмо не может смотреть, это физически невозможно, — но он чувствовал его взгляд. Отдельный, независимый, тяжёлый. Два глаза — два наблюдателя. Правый бегал, лихорадочно цепляясь за детали, а левый — бельмо — смотрел прямо в него, вглубь, под рёбра. И это было хуже, чем если бы оба глаза смотрели нормально.

— Я вижу, вы переживаете, — хрипло, с присвистом заговорил мужик. От него несло жалкой, липкой настойчивостью. — Подумал, могу помочь. Меня Николаем звать.

— Андрей, — нехотя отозвался Бохин, инстинктивно втягивая голову в плечи. — И чем же вы мне можете?

— Смотря какая беда, — Николай заулыбался. Его зубы были жёлтыми, неровными. — Я тут часто бываю. Всё вижу.

— У меня нет проблем, — соврал Андрей. — Просто жду.

— А я смотрю, вы на запад собрались, — Николай ткнул грязным пальцем, ноготь был обгрызен до мяса, в сторону окна. — По телевизору сказали — путь закрыли. Там бензовоз. Детонация, всё дела. Вы там сгорите, если поедете.

— Я в курсе.

— Я знаю другую дорогу, — Николай понизил голос до заговорщического шёпота, и Андрей почувствовал, как воздух вокруг них стал гуще, тяжелее. Бельмо на его глазу казалось неестественно белым в тусклом свете, и оно по-прежнему смотрело. Не моргая. Не отрываясь. — Объезд. Крюк приличный, но проехать можно. Я там каждую неделю езжу. На дикие озёра. Хороший улов, тишина...

Он замолчал. Сглотнул. И его правый глаз дрогнул, словно само слово «тишина» причинило ему физическую боль. Мышца под глазом дёрнулась, веко закрылось на долю секунды, и Андрей увидел в этом коротком миге что-то, что не должно было быть на лице живого человека. Что-то бездонное. Тот, кто произносил слово «тишина», не знал, что такое тишина. Он знал только её отсутствие.

Андрей скептически хмыкнул:

— На карте никакого проезда нет. Навигатор показывает глухой лес.

— Конечно нет, — Николай нервно потёр ладони, оставляя на столе влажные, маслянистые следы. Пальцы дрожали — мелко, часто. — Дорога старая. Заброшенная. Но проехать можно, я говорю! — Он вдруг схватил Андрея за запястье.

Ладонь была горячее, влажной, и кожа Андрея немедленно покрылась мурашками. Тепло Николая было неправильным — не живым теплом крови, а теплом гниения, теплом компоста, теплом мокрого сена, сложенного в стог. Жар, который не согревал, а пугал.

— Ты должен ехать туда. Я покажу.

Андрей резко выдернул руку. Желудок поднялся к горлу, подкатив тугим, кислым комом. Каждая клетка Андрея кричала: встань и уйди. Не слушай его.

— Подождите, мне нужно позвонить, — процедил Андрей и выскочил на улицу.

Он стоял под козырьком, втягивая холодный, очищающий воздух, пытаясь вымыть из лёгких запах отцовского кресла. Дождь моросил, превращая трассу в серую, размытую полосу. Машины проносились мимо, обдавая его брызгами грязной воды, и каждая машина была доказательством того, что мир за пределами кафе ещё существовал, ещё жил, ещё был нормальным.

Набрал номер секретаря. Гудки. Один. Два. Три. Каждый гудок — удар пульса в висках. Четыре. Пять. Шесть. Воздух стал вязким, гудки растягивались, и Андрей чувствовал, как время замедляется.

— Алло? — ответил женский голос. Далёкий, приглушённый, как из колодца.

— Ирина? Здравствуйте, это Бохин, «Стрелков медиа». Мне нужно на встречу к Антону Васильевичу в понедельник.

Пауза. Длинная, заполненная шорохом, который не был шорохом телефонной линии. Что-то живое, ползущее, шуршащее. Андрей затаил дыхание. В висках стучало.

— У Антона Васильевича есть окно во вторник в десять утра. Я могу вас записать.

У Андрея зазвенело в ушах. Шанс. Мизерный, но шанс. Он почувствовал, как кровь прилила к лицу, как спазм в желудке разжался, и впервые за сутки ему стало легче дышать. Он обернулся на кафе. За стеклом, в тусклом свете, мутным пятном маячило лицо Николая. Он не сводил с Андрея свой единственный живой глаз, и в этом взгляде не было помощи. Была мольба. Голодная мольба утопающего, который нашёл бревно, за которое можно ухватиться, чтобы не идти ко дну. И неважно, что бревно — это чужая жизнь. Главное — не он. Не его. Не сейчас.

Андрей влетел в кафе.

— Ну что, покажете объезд? — его голос прозвучал жёстко, отрывисто.

Николай расплылся в своей страшной улыбке — мокрой, жадной, совсем не человеческой.

— Покажу. Только... — он замялся, поглядывая на официантку, которая стояла за стойкой, спиной к ним, и не двигалась. Совсем. — Это не для всех. Платите. Четыре по пять. И две ещё за саму дорогу.

— Вы всем её показываете? — Андрей уже доставал зажим для денег. Хруст купюр вернул иллюзию контроля. Деньги — знакомая территория. Деньги — его язык, его оружие, его щит. На секунду — ровно на секунду — запах отцовского кресла отступил.

— Зачем мне другие? — торопливо забормотал Николай, пряча деньги в карман куртки грязными, трясущимися пальцами. — Не поминай лихом, — пробормотал он, не поднимая глаз. — Я бы не стал. Если бы мог.

Движения были суетливыми, жадными, но глаза — глаза были мёртвыми. Мёртвыми и голодными.

— Я же вижу, вы человек деловой. Вам надо успеть. Езжайте. Дорога сама вас найдёт.

Дорога сама вас найдёт. Слова застряли в мозгу, как заноза. Андрей хотел переспросить — что значит «сама найдёт»? — но Николай уже потянулся через стол и забрал у него телефон. Его грязный палец с обгрызенным ногтем прочертил линию сквозь белое пятно на экране —

туда, где не было никаких дорог. Ни грунтовых, ни лесных, ни троп. Белое пятно. Пустота. Палец Николая двигался по ней уверенно.

— Прямо через лес. Два часа — и вы снова на трассе. Обещаю, — Николай вернул телефон, и бельмо на его глазу, казалось, подмигнуло Андрею. Не моргнуло — подмигнуло. Медленно, осознанно — и от этого по позвоночнику прокатилась волна мурашек, которую Андрей не смог подавить.

Андрей кивнул, забрал телефон и пошёл к выходу. У двери он обернулся. Николай сидел за столом, сгорбившись над остывшим чаем. Его плечи мелко дрожали. Он не смотрел вслед Андрею. Он быстро, судорожно осенял себя кривым, грязным крестом. Не на удачу. В благодарность за то, что забрали не его.

Съезд с трассы был идеально невидим. Если бы не указка Николая, Андрей пролетел бы мимо на полной скорости. Колёса Мерседеса скатились с асфальта, и машину сразу повело — грунт оказался рыхлым. Сразу же стало темнее. Лес подступал к самой обочине, деревья стояли так плотно, что ветви сплетались над дорогой, образуя туннель, в котором мерцали редкие капли дождя.

Дорога сузилась до одной полосы, превратившись в густую, раскисшую от дождя колею. Ветки царапали крышу — звук был такой, словно когти скребут по стеклу. Андрей вцепился в руль. Его «успешная» машина вязла в грязи по самое днище, двигатель натужно выл, задыхаясь в этой первобытной сырости.

Сначала просто стало не хватать воздуха. Потом лес начал казаться живым. Сумерки наступали слишком быстро для пяти часов вечера. Они сочились не с неба — они выпотевали из мокрых, гниющих стволов, из чёрных луж, в которых отражалось серое, умирающее небо.

И деревья. Они были не просто плотно стоящими. Они были наклонены. Все — в одну сторону, к дороге. Их стволы изгибались, как шеи любопытных зверей. Ветки тянулись к машине — не хаотично, не от ветра — целенаправленно.

Андрей пытался объехать очередную яму, скосил глаза на навигатор: «Сигнал потерян». Экран телефона погас. В этот момент переднее колесо с хрустом врезалось в камень, скрытый под мутной водой. Удар — через руль, в плечи. Двигатель чихнул, выплюнул клуб сизого дыма и захлебнулся.

Тишина.

Но это была не обычная тишина. Лес не просто не издавал звуков — он их поглощал. Андрей слышал свой пульс, своё дыхание, хлюпанье ботинок — но эха не было. Звук умирал, не родившись. Ни птиц. Ни ветра. Ни насекомых. Только его собственное тело, звучащее в этой пустоте.

Дождь барабанил по крыше. Андрей несколько раз повернул ключ зажигания. Стартер сухо щёлкал, как ломающийся хрящ.

— Бля! — он ударил по рулю. Костяшки обожгло болью.

Вышел под дождь. Осмотрелся. Дороги больше не было. Была тропа, уходящая в чёрную пасть леса. И от этой тропы несло гнилью и сыростью. Тем же самым запахом, который источал Николай. Тем же, что и кресло его отца. Тем же, что и влажная тряпка в углу прихожей. И — теперь он узнавал его, теперь не мог не узнавать — тем же, что и дух от танцовщицы в клубе. Сладкий. Гнилостный. Чужой. Один и тот же запах. Одна и та же гниль. Она была везде. Она текла за ним с самого начала.

Связи нет. Машина мертва.

«Впереди деревня», — вспомнил Андрей слова мужика с бельмом.

Он запер машину и пошёл в темноту. Лес давил на барабанные перепонки глухим, вибрирующим молчанием. Только хлюпанье его собственных ботинок, жадно чавкающих в чёрной грязи, и звук его дыхания, которое уходило и не возвращалось.

Впереди между стволами мелькнул просвет. Андрей ускорил шаг, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику, и вдруг остановился.

Из темноты на него смотрели ряды косых, покосившихся крестов и ржавых оградок. Просвет в лесу оказался старым кладбищем, которое расползлось по склону холма. Кресты стояли под разными углами — наклонённые, заваленные, торчащие из земли, как обломанные рёбра. А внизу, в низине, тускло мерцали редкие жёлтые окна.

Деревня.

И Андрей вдруг с пугающей ясностью осознал: он не свернул. Он не заблудился. Эта дорога вела именно сюда. Прямо к центральной аллее кладбища, по которой ему предстояло спуститься, как по сухожилию, ведущему в утробу.

Шагнуть назад в лес было невозможно. Лес не пустит. Андрей чувствовал это спиной — деревья за ним сомкнулись. Оставалось только идти вперёд, сквозь мертвецов, к мерцающим огням, которые выглядели не как спасение, а как приманка. Как огни глубоководного хищника, заманивающего добычу в бездну.

Глава 4: Порог и Ловушка.

Кресты и покосившиеся оградки тянулись по обеим сторонам тропы, как зрители, выстроившиеся вдоль дороги на казнь. Андрей шёл быстро, не глядя по сторонам, но чувствовал спиной их пустые, каменные глазницы. Дождь усилился, и капли стучали по жестяным венкам на памятниках с глухим, лязгающим звуком. Тропа петляла между могил, и Андрей старался не наступать на могильные холмики, которые размякли от дождя и превратились в чёрные, блестящие насыпи.

Периферийное зрение фиксировало детали, которые мозг отказывался обрабатывать: венки, слипшиеся от дождя; фотографии в овальных рамках, чьи стёклышки ловили свет его воображаемого фонаря, превращая выцветшие лица в безмолвных наблюдателей. Дождь стучал по жестяным табличкам не хаотично, а с пугающим, метрономическим ритмом. Тук-тук-тук. словно кто-то отстукивал время, оставшееся ему до конца.

Воздух здесь был гуще, он пах мокрой землёй, окислившейся медью и приторной сладостью, от которой начинало сводить скулы. Третий раз за сутки. Клуб. Квартира. Теперь — кладбище. Один и тот же запах, каждый раз сильнее, гуще, как будто источник приближался.

Он уже различал отдельные дома внизу — покосившиеся, тёмные, с провалившимися крышами. И только один фонарь на перекрёстке тускло желтел, подрагивая на ветру.

— Эй! Ты что тут делаешь?

Голос раздался так внезапно, что Андрей подскочил. Пульс взвился в горло, перехватив дыхание. Он обернулся, и в этот момент в его лицо ударил свет фар. Ослепший, он инстинктивно поднял руку, шурясь сквозь завесу дождя.

— Иди сюда, — приказал голос из-за света. — Сейчас во всём разберёмся.

Силуэт стоял рядом со старым, грязным УАЗиком. Форма. Погоны. Андрей выдохнул: полиция. Спасение. Цивилизация. Он шагнул вперёд.

— Иду! Я заблудился, мне нужна помощь!

Он подошёл ближе, и свет фар высветил лицо мужчины. Участковый был высок, с породистым, но обветренным лицом. Седые виски. Глубокие складки вокруг рта, прорезанные не возрастом, а хроническим напряжением. Кожа на щеках была грубой, покрытой мелкими, красными прожилками.

Но не это заставило Андрея сбавить шаг и замереть.

Это были глаза. Карие, глубоко посаженные, с мутной, застывшей болью. Они смотрели на Андрея не как на нарушителя порядка или потерянного туриста. Они смотрели на него так, как смотрят на приговорённого, которого конвоиры ведут на эшафот. С бесконечной, тошнотворной жалостью.

И эта жалость была не пассивной. Она была физической. Андрей почувствовал её как давление — тяжёлое, вязкое, не дающее двигаться, не дающее бежать. Взгляд участкового прижимал его к земле. В нём не было угрозы, не было агрессии — только древнее, измученное знание того, что ничего уже нельзя сделать. Что приговор подписан. Что дорога сюда была не дорогой, а коридором, и дверь за спиной закрылась.

— Документы есть? — спросил участковый. В его голосе не было ни нажима, ни злости. Была лишь усталая неизбежность.

— В машине остались, — Андрей попытался изобразить уверенность, расправив плечи, но намокший пиджак висел на нём, как саван, и голос предательски дрогнул. — Я ехал по работе, дорогу мне показали, машина сломалась. Вы можете меня подвезти до города или дать позвонить?

Участковый молча изучал его. Дождь стекал по его козырьку, разбиваясь о воротник, но он, казалось, не замечал холода. Его глаза медленно перемещались по лицу Андрея — от глаз

к губам, от губ к рукам, от рук к мокрому, грязному пиджаку, — и в каждом движении этого взгляда была тягучая, невыносимая констатация. Не сочувствие. Констатация.

— Залезай, — наконец сказал он. — Поедем разбираться.

Участок представлял собой низкую, давящую клетку с закопчёнными потолками. В воздухе висел запах мокрой собачьей шерсти и застарелого табачного дыма — такой густой и вязкий, что, казалось, его можно резать ножом. Он оседал на языке горьким пеплом, забивал ноздри, лип к коже. Жёлтые обои отходили от стен, обнажая серую, дышащую плесень, которая расплзалась по углам. В углу на тумбочке стоял старый, тяжёлый зелёный телефон с дисковым набором. На стене, за столом участкового, висела карта района — старая, выцветшая, с жёлтыми пятнами на сгибах. Деревни были отмечены точками, дороги — линиями. Но одна точка была обведена кружком — красным, неаккуратным, нарисованным от руки. Рядом с кружком — дата, написанная тем же красным карандашом: «1971». Андрей заметил это краем глаза, но не придал значения. Не до того было.

— Присаживайся, — участковый кивнул на скрипучий деревянный стул и протянул жёлтый лист бумаги и огрызок карандаша. — Пиши объяснительную.

— В чём меня обвиняют? — Андрей не сел. Он стоял, скрестив руки на груди, пытаясь вернуть себе хотя бы иллюзию контроля. Намокший пиджак холодил плечи, вода капала с брюк на грязный пол, но он стоял. — Я жертва обстоятельств. Машина сломалась, связи нет, я просто искал людей.

— Никто тебя не обвиняет, — участковый тяжело опустился за стол и прикурил сигарету. Он посмотрел на Андрея — и на долю секунды в нём что-то дёрнулось, будто он хотел добавить ещё что-то, важное, и не добавил. Сглотнул это вместе с дымом. — Но шастать по нашему погосту ночью...

— Я не шастал! — Андрей почувствовал, как закипает раздражение, маскирующее тошнотворный холод под рёбрами. — Мне дорогу показали в кафе у трассы! Мужик с бельмом на глазу! Николай, кажется!

Участковый замер. Сигарета дрогнула в его пальцах, осыпав пепел на стол. Он медленно поднял глаза на Андрея, и в его взгляде мелькнуло что-то — не удивление, а горькое, обречённое узнавание.

— Николай, — повторил он тихо, и это имя прозвучало в тесном кабинете как лязг захлопнувшейся крышки гроба. — С бельмом.

Он выдохнул дым в окно. Почти беззвучно, одними губами:

— Опять.

Участковый отвернулся к окну, затянулся так, что окурочок зашипел.

Тишина повисла между ними — тяжёлая, мокрая, пахнувшая пеплом и плесенью. Андрей чувствовал, как стены участка смыкаются, как воздух густеет, как табачный дым ложится на кожу плёнкой, которая не отдирается.

— Я могу позвонить? — нарушил тишину Андрей. Его голос прозвучал слишком громко, жалко. — У меня есть право на звонок.

— Попробуй, — участковый кивнул на зелёный телефон, не поворачивая головы. — Если на коммутаторе кто-то сидит.

Андрей схватил тяжёлую трубку. Она была холодной и липкой. Он прижал её к уху. Гудки. Короткие, частые, равномерные, механические. Каждый гудок — гвоздь в крышку гроба. Он положил трубку на рычаг.

— Вот видишь, — участковый наконец повернулся. Положил руки на стол, и Андрей заметил, что его пальцы едва заметно, но непрерывно дрожали — мелкая, постоянная дрожь. — Прогресс до нас идёт медленно. Мобильной связи нет. Дорога одна. Машина с продуктами раз в неделю. Глухомань.

— Утром вы меня отвезёте? — голос Андрея прозвучал тоныше, чем ему хотелось. Он чувствовал, как стены сжимаются, как потолок давит на макушку, как пол под ногами становится мягким — не физически, а ощущением.

Участковый помолчал. Долго. Сигарета тлела между его пальцами, и пепел падал на стол. Он смотрел сквозь Андрея — не на него, а сквозь, в какую-то точку за его спиной, в которую он смотрел, вероятно, каждый раз, когда в этот участок приводили нового путника.

— У меня одна машина на всю деревню. Довезти тебя до города я не могу. Мне нужно работать. — Он сделал паузу, и в его глазах снова мелькнула та самая жалость — тяжёлая, мокрая, невыносимая. — Но твою машину, возможно, починит наш слесарь. Завтра.

— Где слесарь?

— Отсыпается в камере. Украл бутылку водки, — участковый невесело усмехнулся, и морщины на его лице сложились в маску боли, которая была страшнее его серьёзности. — Выбор у тебя не велик, Андрей. Ночуешь тут с пьяницей в камере, или иди к Надежде Петровне. Она у нас староста. Помогает всем.

— Гостиницы нет? — Андрей уже знал ответ, но надежда умирала последней.

— Глухомань, — повторил участковый. — Тот фонарь на улице — единственный на всю деревню. Чтобы ты понимал масштаб.

Он поднялся, сунул ноги в грязные резиновые сапоги и открыл дверь. В кабинет ворвался мокрый, ледяной воздух, пахнувший гнилью и кладбищенской землёй.

— Поехали. Довезу до Надежды Петровны.

УАЗик скрипуче затормозил у покосившегося деревянного забора. В доме тут же, словно по сигналу, загорелся тусклый свет, вырезав в темноте квадрат жёлтого, болезненного свечения, и на крыльце возникла женская фигура.

Девушка. Рыжие волосы прилипли к мокрому лицу, руки скрещены на груди. Она смотрела на подъехавших без радости и без враждебности. Она смотрела оценивающе. Как покупатель на рынке осматривает тушу, прикидывая вес и качество мяса. Её глаза скользнули по Андрею — от мокрого пиджака к грязным ботинкам, от ботинок к лицу — и в этом взгляде не было любопытства. Была инвентаризация.

— Света, принимай гостя, — участковый вышел из машины и встал рядом с Андреем. Его голос прозвучал глухо. Единственное, что он мог для Андрея сделать — не смотреть ему в глаза.

— Поздновато для гостей, — отозвалась Света. Её взгляд задержался на Андрее чуть дольше, чем следовало. Кожа под мокрой рубашкой покрылась мурашками. Но сквозняка не было. Воздух был неподвижен.

— Это Андрей. Потерялся. Ему нужно переночевать, — участковый заглядывал за плечо Светы, и его пальцы снова дрожали. — Надежда Петровна уже спит?

— Спит, — Света отступила в сторону, растворяясь в полумраке коридора. — Проходи, Андрей. Сегодня баню топили, ещё тёплая.

Участковый кивнул. Его ладонь задержалась на дверце. Губы дрогнули — беззвучно, одними губами, — но Андрей не разобрал. Предупреждение? Извинение?

Он махнул рукой и полез в машину. Двигатель кашлянул, и УАЗик растворился в темноте, оставив Андрея одного на крыльце с этой рыжей незнакомкой, которая смотрела на него так, словно отсчитывала секунды до его конца.

Дом встретил его запахом. Не домашним, не уютным. Сладким. Приторно-сладким. И под этим сладким слоем — слабая, едва уловимая нить гнили. Той самой гнили, которую Андрей чуял в кресле отца и в запахе Николая. Здесь она была гуще, она заполняла ноздри, липла к нёбу, заставляя сглатывать подступающую тошноту. Она была везде — в дереве стен, в ткани занавесок, в воздухе, который не был воздухом, а был выдохом чего-то огромного, что дышало через стены этого дома.

Потолки были неестественно низкими. Андрею приходилось наклонять голову, и от этого возникало странное, клаустрофобное ощущение, что дом давит на него. Сжимает. Как свод могилы. Стены были заставлены старой, тёмной мебелью, и Андрей слышал слабый ритмичный скрип, как будто дерево было живым и расширялось и сжималось с каждым вздохом дома. А на каждой свободной поверхности — фотографии. Десятки, сотни фотографий в пыльных рамках.

Андрей остановился. Лица. Десятки лиц. Мужчины, женщины, дети. Некоторые — портреты, чёрно-белые, выцветшие. Другие — групповые, как семейные снимки. На одной — свадьба, 1950-е: невеста в белом, жених в военной форме с медалями на груди.

Все лица были застывшие. Не мёртвые — выморочные. Как будто их сфотографировали после. После того, как из них вынули что-то главное — не жизнь, а что-то более важное, чем жизнь. Волевой стержень. То, что делает лицо человеческим, а не маской. Глаза на всех

фотографиях были одинаковые — открытые, немигающие, с расширенными зрачками, которые смотрели не из фотографии, а сквозь неё, как из окна в другую комнату, где не было света.

Андрей прошёл мимо стены, и его взгляд зацепился за одно лицо. Высокий, усатый мужчина в костюме с галстуком. Фотография была новее остальных — цветная, яркая. Лицо улыбалось, но улыбка была мёртвой, застывшей. Андрей нахмурился. Где-то он видел это лицо. Недавно. Усатый, высокий... Но мысль ускользнула, растворившись в густом, сладком воздухе дома. Показалось.

Глаза на фотографии смотрели на Андрея из-под мутного стекла, не мигая, не отрываясь. И в их взгляде не было ничего, кроме безмолвного предупреждения.

— Проходи в ту комнату, — Света указала на занавешенный проём. Её голос был мелодичным, но в нём не было жизни. Ноты правильные, но чувства нет. — Только ничего не трогай. Бабушка не любит, когда её вещи трогают.

Комната была крошечной. Завалена хламом, освещена единственной тусклой лампочкой, отбрасывающей длинные, дёрганные тени. Андрей сел на край дивана и почувствовал, как пружины впиваются в спину сквозь тонкую обивку. Диван пах старостью — не винтажной, приятной старостью, а старостью гниения, старостью, которая была не возрастом, а распадом.

— Ну что, пойдём покажу баню, — Света стояла в дверях.

Андрей поднял голову. Она стояла в коротком халате, едва прикрывающем бёдра. Ткань была такой тонкой, что тело под ней казалось не одетым, а лишь обозначенным — ключицы, линия живота, тёмная тень под тканью. Её кожа отливала матовым, неестественным блеском. И от неё шёл тот самый запах — дурманный, стягивающий горло, который отключал логику. Тот самый запах. Клуб. Танцовщица. Квартира. Кладбище. Теперь — здесь. Источник.

— Как-то всё странно, — хрипло сказал Андрей. Он хотел отвести взгляд, но зрачки отказывались слушаться, прикованные к её телу. — Вы вот так пускаете незнакомца?

— Смешной, — Света шагнула к нему. Ни одна половица не скрипнула. Она не ступала, а скользила.

Она подошла вплотную. Её лицо было в десяти сантиметрах от его лица. Глаза — тёмно-синие, бездонные, без единой мысли. Только голод. Животный, первобытный голод хищника, который загоняет добычу в угол.

— А ещё ты мне понравился, — прошептала она. — В деревне одни старики. А я девушка молодая. Иди в баню.

Она сунула ему в руки полотенце. Её пальцы обожгли холодом — не от сквозняка, а от внутренней, мертвецкой стужи, словно под кожей у неё текло нечто, никогда не бывшее тёплым. Кожа Андрея онемела. Он сглотнул. Его тело реагировало вопреки разуму, вопреки тревоге, вопреки каждому нерву, который выбиривал от сигнала: беги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.